

Б. Ю. Шавлукова

ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОЙ ФУНКЦИИ АВТОРСКОГО ТИРЕ В. НАБОКОВА

Работа представлена кафедрой теории и истории русского языка

Дагестанского государственного педагогического университета.

Научный руководитель – кандидат филологических наук, профессор Э. С. Геллер

В поэтике Набокова самым полифункциональным и эстетически значимым знаком является, на наш взгляд, тире, которое актуализирует логический и смысловой, эмоциональный центры предложения или фрагмента текста, оформляет интонационный рисунок его, подчас задает особый ритм, структурирует текст, открывая новые стороны в авторской картине мира.

The author of the article considers dash to be the most polyfunctional and aesthetically significant mark in V. Nabokov's poetics. It emphasises logical, semantic and emotional centres of a sentence or a text fragment, mounts an intonation pattern, sometimes gives a special rhythm to a text and structures it, revealing some new aspects of the author's image of the world.

Изучение индивидуального стиля писателя естественно предполагает вместе с обследованием разных сторон его эстетической системы также и описание свойственных ему приемов использования знаков препинания – как способов символизации художественных смыслов.

Множество статей, посвященных В. Набокову, помогут в какой-то мере представить себе своеобразие его художественного мира, приблизиться к пониманию фено-

мена Набокова, ставшего достоянием мировой культуры. Набоковский космос хранит еще много неразгаданных тайн. Разумеется, в его авторской пунктуации также не раскрыто многое. Нет сомнения в том, что он испытал влияние и русских (А. Белого, Ф. Сологуба, А. Блока и др.) и европейских (Джойса, Кафки) символистов, которым свойственны ассоциативность, иносказание, особая роль контекста в их творческом методе. Так возникает фраг-

ментарное «нонфинито», осуществляются ломка «истершихся» языковых норм, отказ от основ и ограничений традиционной поэтики¹. В числе художественных приемов писателя критик З. Шаховская называет «веселые» поиски странных фонетических соединений и экстравагантности знаков препинания².

Соглашаясь в определенной степени с мнением О. Михайлова, утверждавшего, что основной «метод писателя – мистификация, игра, пародия, словесные кроссворды, чем дальше, тем сильнее и отчетливее проявлялись заданность, хитроумное строительство»³, хочется добавить, что эти качества, конечно, находят свое отражение в языке, в том числе и в таком его ярусе, как пунктуация. Многое в его стиле объясняется совершенно иным, особенным, сугубо эстетическим видением мира.

Современная русская пунктуация дает большие возможности, пишет Н. С. Валгина, для творческого ее использования⁴ и потому становится мощным стилистическим средством и в произведениях Набокова. Обостренная активность формы, повышенная эмоциональность, яркость, усложненная синтаксическая структура предложений, броскость, гротескность, деформация образов, художественных средств, затрагивающих все сферы языка и рассматриваемых (в нашем материале) на уровне пунктуации, олицетворяют набоковский экспрессионизм особого рода.

Под авторской пунктуацией Набокова мы понимаем такие знаки препинания, которые связаны с индивидуальностью писателя и избираются в зависимости от конкретных задач высказывания, поскольку задачи эти могут меняться при необходимости изменить содержание текста, а также знаки, всецело связанные с авторской индивидуальностью. Они именно и проявляют стиль писателя, к которым он испытывает особое пристрастие, знаки «излюбленные», точно так же как могут быть излюбленными обороты речи, специфические

синтаксические построения, которые или сами по себе, или в сочетании с другими создают стилистику автора⁵.

Одним из мощных приемов авторской пунктуации, названной Е. А. Иванчиковой «аффективной пунктуацией»⁶, является употребление знака «тире» после или перед союзом «и». Этот прием, по нашим наблюдениям, является одной из примечательных особенностей идиостиля В. Набокова. Если в авторском тексте мы обнаруживаем пунктуацию, противоречащую правилам постановки знаков препинания, то это заставляет следить за текстом и думать над тем, почему появился знак: возник он случайно или за ним кроется какая-то авторская мысль, которую нужно «расшифровать».

Наблюдая за постановкой знаков разных авторов, исследователи приходят к выводу, что каждый автор тяготеет к какому-то определенному знаку, который чаще других появляется в его текстах. Так, мы полагаем, что Набоков очень часто пользуется тире в разных позициях и в сочетаниях с другими знаками и союзами.

По наблюдениям А. М. Пешковского, чтению знака «тире» свойственна «фигура повышения с последующей резкой и неожиданной паузой»⁷. Если в набоковском тексте тире находится перед союзом «и», то оно символизирует уже не связь двух частей сообщения, а как бы отталкивание второй части от первой, союз «и», отделенный паузой и лишенный словесного ударения, акцентно примыкает к следующим за ним словам; вместо паузы ожидания возникает пауза «разрыва»: «И не только случалось, что Колдунов являлся ему в собственном виде, в обстановке отрочества, наскоро составленной сном из таких аксессуаров, как парта, черная доска, кроме этих бытовых снов, случались и сны романтические, даже декадентские, т. е. лишенные явного присутствия Колдунова, но зашифрованные им, пропитанные его гнетущим духом или полные как бы слухов о нем, каким-то образом выражавших его сущность – и этот

мучительный колдуновский фон, на котором развертывалось действие первого попавшегося сна, был куда хуже прямых сновидений Колдунова, каким он запомнился, – грубым, мускулистым гимнастом» («Лик»).

Контекст обуславливает набор пунктуационных знаков и их расстановку. В приведенном примере мы определяем контекст как отрезок текста, как контекст ситуации. Читатель рисует образ человека (Колдунова), ставшего злым гением героя и мучающего его даже теми снами, в которых нет его явного присутствия, а ощущается атмосфера, пропитанная его личностью. И здесь тире, стоящее перед союзом «и», создает центр эмоционально-экспрессивной направленности текста, в результате чего создается четкая противопоставленность декадентского изображения Колдунова и его реального воплощения – грубого, наглого, нечистоплотного.

Еще пример: «Пролетая мимо, он никогда не заглядывал ей в лицо, а притворялся углубленным в езду, хотя за минуту до того, представляя себе встречу, клялся, что улыбнется ей, поздоровается. Ему казалось в эти дни, что у нее должно быть какое-нибудь необыкновенное, звучное имя, а когда узнал от того же студента, что ее зовут Машенька, вовсе не удивился, словно знал наперед, – и по-новому, очаровательной значительностью, зазвучало для него это простенькое имя» («Машенька»). В этом фрагменте текста, представленном объемными сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями, зримо ощущаются эмоции, охватившие героя, он полагает, что и имя у нее должно быть необыкновенным. И вдруг оказывается, что она носит обыкновенное, распространенное имя (Машенька), но он не испытал разочарования, поскольку, разумеется, имя для него ничего не означало, оно просто наполнилось особой значимостью. Набокову было недостаточно поставить запятую, чтобы подчеркнуть это важное событие в жизни персонажа, он использует бо-

лее «сильный» знак – тире, стоящее перед союзом «и», начинающим пятую клаузу второго сложного предложения. Пауза разрыва, созданная этим приемом, организует пространство, которое необходимо для резкого разграничения предшествующей и последующей за союзом частей.

Довольно часто в творчестве В. Набокова мы наблюдаем за тем, как одно предложение может обусловить использование данного приема. «Николай Степаныч постоял перед дверью, хотел было позвонить, – да вспомнил, что нынче воскресенье, подумал – и все-таки позвонил» («Звонок»). С точки зрения существующей нормы автор ставит лишний знак «тире» между однородными сказуемыми и перед союзом. Нами проанализировано большое количество текстов Набокова, и мы убедились в том, что в той или иной позиции используется «сильный» знак «тире» или заменяющий, например, двоеточие, или не оправданный нормой. В данном случае тире лучше слов, более емко, чем слова, служит созданию экспрессии, передаче настроения героя, стоящего перед дверью, за которой он, возможно, сумеет узнать координаты давно разыскиваемой им матери.

И все же значительно чаще в произведениях Набокова именно контекст ситуации (широкий контекст) нуждается в аффективной пунктуации, которая концентрирует экспрессию и становится одним из стилистических приемов этого писателя: «Вздохнув, он с тихой улыбкой глядел на ее поднятое лицо и ничего не мог ей ответить, когда, вцепившись ему в плечи, она летучим каким-то голосом – не тем прежним носовым шепотком – молила, вся улестая в слова: “Да скажи ты мне, наконец, – ты меня любишь?” Но, заметив что-то в его лице, – знакомую тень, невольную супровость, – она опять вспомнила, что нужно очаровывать – чуткостью, духами, поэзией – и принималась опять притворяться то бедной девочкой, то изысканной куртизанкой» («Машенька»).

Здесь мы вновь обращаем внимание на тире между двумя сказуемыми. В то же самое время в первом сложном предложении два сказуемых (глядял и не мог ответить) не разделены знаком «тире». На основании анализа набоковских текстов можно сказать, что писатель достаточно часто ставит знак между однородными сказуемыми, при этом очень редко он появляется между однородными дополнениями или определениями. Интересным кажется нам употребление тире перед союзом и в следующем фрагменте из рассказа «Королек»: «С тех пор оба, особенно Антон, благо днем не работал, установили наблюдение за бессонницей соседа. Но враг был хитер и наделен тонким слухом. Как бы тихонько он ни приближался к двери, свет за ней мгновенно погасал, будто его и вовсе не было, – и только если очень долго стоять, затаив дыхание, в холодном коридоре, можно было дождаться возвращения чуткого луча. Так падают в обморок жуки».

В данном фрагменте исследуемый прием создает внутреннюю перспективу – эмоциональный подтекст, обусловленный паузой, обозначенной авторским пунктуационным тире: все, что сказано до тире перед «и», должно казаться читателю не столь важным, как то, что следует после «и», потому что именно информация, заложенная в этой второй части, и есть ядро высказывания (братья разработали целую систему, помогающую выявить «затаившегося врага»).

Как звучит здесь тире? Как ни парадоксально, но это тире перед союзом и при всей громоздкости синтаксических конструкций данного высказывания выступает средством лаконизма его, поскольку замещает ту содержательность текста, которая расширяет изнутри этот фрагмент и экономит речевые средства, могущие быть затраченными на выявление отношений между персонажами. На наш взгляд, использование тире в анализируемых фрагментах становится центром, сосредоточением экспрессии высказывания и, предваряя идущие

порой за союзом тропы, само как бы насыщается метафорическим содержанием и влияет на словесную организацию текста: «Вдруг Иннокентий почувствовал: ничто – ничто не пропадает, в памяти накапляются сокровища, растут скрытые склады в темноте, в пыли, – и вот кто-то проезжий вдруг требует у библиотекаря книгу, не выдававшуюся двадцать лет» («Круг»).

В следующем примере широкий контекст сообщает о приезде героя романа Франца в Берлин и о бесконечных прогулках по столице в ожидании родственника, который должен был, как полагал Франц, устроить его на работу: «В музее древностей он провел два часа, с ужасом разглядывая пестрые саркофаги и портреты носивших египетских младенцев. Он подолгу отдохнул в шоферских трактирах и на удобнейших скамьях в необъятном парке. Он спускался в прохладные недра подземной железной дороги – и, сидя на красном кожаном сиденье, глядя на блестящие штанги, по которым взбегала, словно золотая, ртуть, ждал с нетерпением, чтобы обрвалась поскорей угольная чернота, грохотавшая вдоль окон» («Король, дама, валет»).

Тире перед союзом «и», четко деля все высказывание на две части, способствует прояснению и углублению смысла, а следующие за союзом деепричастные обороты, сообщающие дополнительный смысл тексту, усиливают действие такого инструмента мыслительного процесса, как тире. Семантическая интерпретация этого инструмента такова: осматриваемый Францем город прекрасен, удивительны его знаменитые музеи, архитектура, цветущие липы разбрасывают везде свои лепестки, подземная дорога великолепна. Но все это делается Францем принудительно, поневоле, от всей этой красоты ему тяжело, – и тут подтекст становится текстом благодаря тире: герой только ждет, чтобы вырваться наружу из подземки и действовать реально.

В творчестве В. Набокова нами было отмечено и такое звучание тире, когда оно

находится после союза «и», в подобных случаях часть фразы, идущая после него, имеет по отношению к предшествующей части общее значение результата. В чем же различие между этими двумя положениями тире, сочетающегося с союзом «и»? Между двумя этими приемами обнаруживается различие не собственно смыслового, а интонационного характера. Знак «тире» после «и» сигнализирует о повышении голоса на союзе и о последующей затем паузе, таким образом достигается эффект напряженного ожидания дальнейшего сообщения: «Ганин сел на подоконник (и мельком подумал: «Я так сидел совсем недавно, но где?») и – вдруг вспомнил глубину беседки, белый откидной столик, дырку на носке». Тире здесь звучит как фигура повышения голоса с последующей резкой неожиданной паузой. Создается ощущение напряженного ожидания дальнейшего развития действия. Однако экспрессия тут зиждется на определенном подтекстовом эмоциональном накале: дело в том, что значение результата фразы после тире не продиктовано узким контекстом, а контекстом ситуации, широким контекстом, в сущности, всей предысторией знакомства Ганина и Машеньки, их романом, начавшимся за десять лет до знакомства читателя с героями. Тире в данном случае создает интонационно-экспрессивный центр, который можно назвать центром, разрешающим напряженность.

Представленный ниже фрагмент текста демонстрирует сочетание двух приемов: тире, стоящее перед союзом «и», и обратную направленность – тире после союза «и»: «Еще так недавно он лежал в постели, – и вдруг теперь оказался в поблескивающей столовой, и, как во сне, страдал от того, что не может остановить струйку, обогнувшую солонку и под прикрытием края тарелки норовившую добежать до сгиба скатерти. Марта, улыбаясь (завтра все равно нужна будет свежая скатерть), перевела взгляд на его руки, на нежную игру суставов под на-

тянутой кожей, – на трепещущие длинные пальцы и – почему-то почувствовала, что на ней не надето сегодня ничего шерстяного» («Король, дама, валет»). В этом отрывке текста достигается полная дешифровка его, постижение контекста высказывания, глубокое прочтение и понимание не только идеи фрагмента романа, но и всего произведения. Следует отметить присутствие в этом примере двух интонационных экспрессивных центров: направленность тире – после союза и тире перед союзом «и»: первый центр – слова после союза, разрешающие ожидание, и второй – сама пауза разрыва благодаря второй направленности тире перед «и». В ряде других примеров задействован узкий контекст, в котором писателем используются тире также после союза «и»: «Дымок рассеялся. Марта встала и остановила радио. Франц закурил снова. Она, накинув розовый платок, из дальнего угла пристально смотрела на него. Он, с деревянным смехом, рассказал анекдот из вчерашней газеты. Затем, толкнув дверь лапой, появился очень грустный и гладкий Том, и – кажется впервые – Франц с ним поговорил. Наконец – к счастью – приехал Драйер» («Король, дама, валет»). Здесь вполне достаточно для получения значения результата той части фразы, которая предшествует союзу «и», что затем подчеркнуто последним предложением. Налицо разрешение эффекта напряженного ожидания, союз же «и» сосредоточил в себе экспрессию всего контекста.

Анализируя функционирование данного приема в текстах Набокова, отмечаем, что вторая разновидность его (тире после союза «и») употребляется значительно реже первой. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что результатом действия этой разновидности являются два интонационно-экспрессивных центра и само качество экспрессивности – яркое, выпуклое изображение чувств. При первой же разновидности приема – тире перед союзом «и» – возникает только один интонационно-

экспрессивный центр – сама пауза разрыва, а текст демонстрирует экспрессионизм особого качества: ощущения, чувства изображаются не столь откровенно, даже сдержанно, что и свойственно идиостилю В. Набокова.

Суммируя сказанное относительно авторской пунктуации В. Набокова, приходим к следующим выводам. В его поэтике

самым полифункциональным и эстетически значимым знаком является, на наш взгляд, тире, которое актуализирует логический и смысловой, эмоциональный центры предложения или фрагмента текста, оформляет интонационный рисунок его, подчас задает особый ритм, структурирует текст, открывая новые стороны в авторской картине мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1962. Т. 4. С. 909–910.

² Шаховская З. В поисках Набокова: Отражения. М.: Книга, 1991.

³ Михайлов О. Король без королевства. М.: Художественная литература, 1990.

⁴ Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2001. С. 235–245, 271–277.

⁵ Валгина Н. С. Что такое авторская пунктуация. М., 1978.

⁶ Иванчикова Е. А. Об одном приеме аффективной пунктуации Достоевского // Современная русская пунктуация. М.: Наука, 1979.

⁷ Пешковский А. М. Школьная и научная грамматика. Берлин: ГИЗРСФСР, 1922. С. 110.